РУССКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ВЪ КРЫМУ.

СТРАНИЦЫ ЛИРИКИ.

Избранныя стихотворенія
современныхъ русскихъ поэтовъ.

СОБРАЛЪ

А. ДЕРМАНЪ.

СИМФЕРОПОЛЬ.
1920.

ALLEGRO (П. СОЛОВЬЕВА).

ПЕТЕРБУРГЪ.

„Быть Петербурху пусту"
Евдокія.

Мнѣ снятся жуткіе провалы
Зажатыхъ камнями дворовъ,
И дымно-черные каналы,
И дымы низкихъ облаковъ.

Молчатъ широкія ступени,
Молчатъ угрюмые дворцы,
Лишь всхлипываетъ дождь осенній,
Слезясь на скользкіе торцы.

На площадяхъ пустынно гулкихъ
Погасъ огней янтарный рядъ,
Безлюдны щели-переулки,
Безогненъ оконъ мертвый взглядъ.

И вѣтеръ панихиду стонетъ
По скатамъ крышъ, средь черныхъ трубъ
И мгла осенняя хоронитъ,
Омывъ дождями, тяжкій трупъ.

О, городъ крови и мученій,
Преступныхъ и великихъ дѣлъ!
Незабываемыхъ видѣній
Твой зодчій далъ тебѣ удѣлъ.

О, городъ страшный и любимый,
Мнѣ душу пьютъ твой мракъ и тишь.
Проклятьемъ женщины томимый,
Ты умеръ? Нѣтъ, не умеръ—спишь.

И снится: кто то невысокій,
Въ плащѣ, съ кудрявой головой,
Проходитъ грустный, одинокій,
И шепчетъ сладостныя строки,
Надъ молчаливою Невой.

И вѣрю я, что смерть безвластна,
И нѣтъ безславнаго конца,
Что Онъ проходитъ не напрасно
И что сильнѣе злобы страстной
Благословеніе Пѣвца.

АМАРИ.

Не знаю, какъ она придетъ,
Въ ночной ли тьмѣ, въ дневномъ ли блескѣ;
Не съ легкимъ вѣтромъ ли впорхнетъ,
Чуть шевельнувши занавѣски;
Отъ книги глазъ не подыму,
Ее почуявъ за спиною,
Но вздрогну, вспомню и пойму,
И медленно, сухой рукою,
Глаза усталые закрою...

Если любишь—гори!
Забываешь—забудь!
Заметаетъ снѣгами мой путь.
Буду день до зари
Межъ волнистыхъ полянъ
Отъ сверканій сегодня я пьянъ....

Сколько есть ихъ по льдамъ
Тамъ стеклинокъ—я дамъ,
Каждой дамъ я себя опьянить..
Лишь не смолкла бы мѣдь,
Только ей онѣмѣть.
Только мѣди нельзя не звонить...

Потому что порывъ
Тамъ рождаетъ призывъ,
Потому что порывъ—это ты...
Потому что одинъ
Этихъ мертвыхъ долинъ
Я боюсь бѣлоснѣжной мечты.

АННА АХМАТОВА

Когда о горькой гибели моей
Вѣсть поздняя его коснется слуха,
Не станетъ онъ ни строже, ни грустнѣй,
Но, поблѣднѣвши, улыбнется сухо.
И сразу вспомнитъ зимній небосклонъ
И вдоль Невы несущуюся вьюгу,
И сразу вспомнитъ, какъ поклялся онъ
Беречь свою восточную подругу.

*
* *

Двадцать первое. Ночь. Понедѣльникъ.
Очертанья столицы во мглѣ.
Сочинилъ же какой то бездѣльникъ,
Что бываетъ любовь на землѣ.

И отъ лѣности или со скуки
Всѣ повѣрили, такъ и живутъ.
Ждутъ свиданій, боятся разлуки
И любовныя пѣсни поютъ.

Но инымъ открывается тайна,
И почіетъ на нихъ тишина...
Я на это наткнулась случайно,
И съ тѣхъ поръ все какъ будто больна.

* * *

Тяжела ты, любовная память!
Мнѣ въ дыму твоемъ пѣть и горѣть,
А другимъ—это только пламя,
Чтобъ остывшую душу грѣть.

Чтобъ грѣть пресыщенное тѣло,
Имъ надобны слезы мои...
Для того ль я, Господи, пѣла,
Для того ль причастилась любви!

Дай мнѣ выпить такой отравы,
Чтобъ сдѣлалась я нѣмой,
И мою безславную славу
Осіяннымъ забвеніемъ смой.

МОЛИТВА.

Дай мнѣ горькіе годы недуга,
Задыханья, безсонницу, жаръ,
Отыми и ребенка, и друга,
И таинственный пѣсенный даръ.
Такъ молюсь за Твоей литургіей
Послѣ столькихъ томительныхъ дней,
Чтобы туча надъ темной Россіей
Стала облакомъ въ славѣ лучей.

К. БАЛЬМОНТЪ.

УМИРОТВОРЕНІЕ.

Мнѣ нравится веселое журчанье
Дѣвическаго смѣха, пѣнья птицъ,
Все юное, въ чемъ свѣтитъ обѣщанье
Широкихъ зорь и рѣющихъ зарницъ.

Но хорошо вечернее сіянье,
Прощальный пламень вольныхъ верелицъ
Безгласныхъ тучекъ,—свѣчи и мечтанье
Надъ тайною прочитанныхъ страницъ.

Благословенна тихая лампада,
Протяжный бой двѣнадцати часовъ,
Сознаніе, что ночь душѣ ограда.

Встаютъ деревья призрачнаго сада.
Въ колодцахъ сна есть столько голосовъ,
Что видишь—больше жить и ждать—не надо.

РОЖДЕНІЕ ЛЮБВИ.

Любить — живыхъ учила красногрудка.
Вся сѣрая была она въ Раю.
Сидѣла на утесѣ на краю.
А міръ кругсмъ былъ смѣхъ и вскликъ и шутка.

И думала крылатая малютка:—
О чемъ они? О чемъ и я пою?
Любить не нужно все. А лишь мою.
И въ этотъ мигъ у ней зардѣлась грудка

И птичка полетѣла по кустамъ.
Тогда впервые заалѣли розы,
Гвоздики, маки, цѣлый алый храмъ.

И кровь любовью брызнула къ сердцамъ.
И молнія, узоръ небесной грезы,
Велѣла быть грозѣ и лить дождямъ.

Л Ю Б И.

„Люби!“ поютъ шуршащія березы,
Когда на нихъ сережки расцвѣли.
„Люби!“ поетъ сирень въ цвѣтной пыли.
„Люби! Люби!“ поютъ, пылая, розы.

Страшись безлюбья. И бѣги угрозы
Безстрастія. Твой полдень вмигъ — вдали.
Твою зарю теченья зорь сожгли.
Люби любовь. Люби огонь и грезы.

Кто не любилъ, не выполнилъ законъ,
Которымъ въ мірѣ движутся созвѣздья,
Которымъ такъ прекрасенъ небосклонъ.

Онъ въ каждомъ часѣ слышитъ мертвый звонъ.
Ему никакъ не избѣжать возмездья.
Кто любитъ, счастливъ. Пусть хоть распятъ онъ.

СФИНКСЪ.

Шевельнулась безмолвная сказка пустынь,
Голова поднялась высоко.
Задрожали слова оскорбленныхъ богинь
И готовы слетѣть съ языка...

Преломилась излучиной гнѣвная бровь,
Зарываются когти въ пескѣ...
Я услышу забытое слово: *Любовь*
На забытомъ, живомъ языкѣ...

Но готовыя врыться въ сыпучій песокъ
Выпрямляются лапы его...
И опять предо мной—только тайный намекъ—
Нераскрытой мечты торжество.

*
* *

Мы были вмѣстѣ, помню я...
Ночь волновалась, скрипка пѣла...
Ты въ эти дни была моя,
Ты съ каждымъ часомъ хорошѣла...

Сквозь тихое журчанье струй,
Сквозь тайну женственной улыбки
Къ устамъ просился поцѣлуй,
Просились въ сердце звуки скрипки.

*
* *

Въ тѣ дни, когда душа трепещетъ
Избыткомъ жизненныхъ тревогъ,
Въ какихъ-то дальнихъ сферахъ блещетъ
Мнѣ твой, далекая, чертогъ.

И я стремлюсь душой тревожной
Отъ бури жизни отдохнуть,
Но это счастье невозможно,
Къ твоимъ чертогамъ труденъ путь.

Оттуда свѣтитъ лучъ холодный,
Сіяетъ куполъ золотой
Доступный лишь душѣ свободной,
Не омраченной суетой.

Ты только ослѣпишь сверканьемъ
Отвыкшій отъ видѣній взглядъ,
И уязвленная страданьемъ
Душа воротится назадъ.

И будетъ жить, и будетъ видѣть—
Тебя, сквозящую вдали,
Чтобъ только злѣе ненавидѣть
Пути постылые земли.

*
*   *

Смѣялись бѣдные невѣжды,
Похитилъ я, младой пѣвецъ,
У безнадежности—надежды,
У безконечности—конецъ.

Мнѣ самому и дикъ и страшенъ
Тотъ свѣтъ, который я зажегъ,
Я самъ своей стрѣлою раненъ,
Самъ передъ новымъ изнемогъ.

Идите мимо—погибаю,
Глумитесь надъ моей тоской.
Мой міръ переживетъ, я знаю,
Меня и страшный смѣхъ людской,

здесь

* * *

Жизнь—какъ море она—всегда исполнена бури.
Зорко смотри, человѣкъ; буря бросаетъ корабль.
Если спустится мрачная ночь, управляй имъ тревожно,
Якорь спасенья ищи: якорь спасенья найдешь...

Если же ты, человѣкъ, не видишь конца этой ночи,
Если безъ якоря ты въ морѣ блуждаешь глухомъ,
Ну, безъ мысли тогда бросайся въ холодное море!
Пусть потонетъ корабль—вынесутъ волны тебя!

ВАЛ. БРЮСОВЪ.

ВОСПОМИНАНЬЕ.

(Симфонія первая, патетическая).

Allegro

ВСТУПЛЕНІЕ.

Воспоминанье! Воспоминанье! Всспоминанье!
Проклятый демонъ съ огненными крыльями!
Ты любишь наклонять свое лицо
Надъ скорбными страдальцами:
Ты любишь пламенными-пламенными пальцами
Касаться незаживших ранъ,
Ты возвращаешь намъ кольцо,
Что въ день вѣнчанья
Мы отдали невѣстѣ...
Воспоминанье! Воспоминанье! Воспоминанье!
Проклятый демонъ съ огненными крыльями!
Духъ ярости и мести!
Всегда жестокостью и местью пьянъ,
Ты любишь потѣшаться надъ безсильями
Страдальцевъ всѣхъ временъ и странъ.
Нѣтъ большей скорби,
Какъ воспоминанья о дняхъ блаженныхъ
Во дни несчастій...
Воспоминанье! Воспоминанье! Воспоминанье!
Проклятый демонъ съ огненными крыльями.

ПОСЛѢДНІЙ СПОРЪ.

Сѣвернымъ вѣтромъ взволнованъ, остуженъ,
Буйно вздымаетъ валы океанъ...
Челнъ мой давно съ океанами друженъ.

Близко прибрежья невѣдомыхъ странъ;
Вкругъ, непривѣтливъ, озлобленъ и вьюженъ,
Буйно вздымаетъ валы океанъ.

Знаю, что путь мой—невѣренъ, окруженъ,
Знаю, что смертью грозитъ ураганъ:
Челнъ мой давно съ непогодами друженъ!

Стелется съ берега сѣрый туманъ;
Пляшутъ акулы, предчувствуя ужинъ;
Буйно вздымаетъ валы океанъ.

Старый Нептунъ! Если даръ тебѣ нуженъ,
Бей по кормѣ, безпощаденъ и пьянъ!
Челнъ мой давно съ непогодами друженъ.

Вѣдалъ онъ скалы и мелей обманъ,
Любитъ борьбу и не даромъ натруженъ...
Буйно вздымаетъ валы океанъ.

Что жъ! Если споръ нашъ послѣдній разсуженъ,
Кану на дно,—но, лучомъ осіянъ,
Строй меня встрѣтитъ подводныхъ жемчужинъ!

ЛИШЬ БЕЗМЯТЕЖНАГО МИРА.

Лишь безмятежнаго мира жаждетъ душа, наконецъ!
Взоромъ холоднымъ окину блескъ и богатства Офира,
Съ гордымъ лицомъ отодвину, можетъ быть, царскій вѣнецъ.
Жаждетъ душа безъ желаній лишь безмятежнаго мира.
Надо? Изъ груди я выну прежнее сердце сердецъ!
Что мнѣ напѣвъ ликованій, шумъ безпечальнаго пира,
Что обольщенья лобзаній женскихъ подъ звоны колецъ!
Прочь и пѣвучая лира! Больше не вѣдать кумира,
Быть обращеннным во льдину, быть обращеннымъ въ свинецъ!
Въ благостномъ холодѣ стыну, пью изъ святого потира
Тайну послѣднихъ молчаній, сшедшій съ арены борецъ.
Прошлое прошлому кину! Лишь безмятежнаго мира,
Лишь раствориться въ туманѣ жаждетъ душа, наконецъ!

ГЛУПОЕ ГОРЕ.

Тихой ночью поздній мѣсяцъ вышелъ
Между черныхъ липъ.
Я, изъ сада, на балконѣ слышалъ
Двери легкій скрипъ.
Всѣ уснули, только мы не спали—
И для насъ, для насъ
Въ темнотѣ аллей цвѣты дышали
Въ нашъ послѣдній часъ.
Какъ мы оба плакали! А было
Мнѣ семнадцать лѣтъ,
А тебѣ—пятнадцать... Ты открыла
Дверь на лунный свѣтъ,
Ты одна сидѣла и роняла
Шпильки изъ волосъ,
Ты опять къ губамъ платокъ прижала,
Смокшійся отъ слезъ,
Мнѣ восторгъ и боль надежды ложной
Разрывали грудь...
Если бъ это горе было можно
Хоть на мигъ вернуть!

КОЛЫБЕЛЬНАЯ.

На глазки синіе, прелестные
Нисходитъ сумеречный хмель.
Качаютъ ангелы небесные
Твою простую колыбель.

Усни, усни! Усни любимая,
Цвѣтокъ, закрывшій лепестки,
Лампадка, бережно хранимая
Заботой Божеской руки.

И тучки на небѣ растаяли,
И поле тихо и темно,
И звѣзды свѣтятъ. И чужая-ли,
Моя-ли ты—не все ль равно!

*
* *

Золотыми цвѣтутъ остріями
У постели полночныя свѣчи;
За открытымъ окномъ въ черной ямѣ
Шепчетъ садъ полусонныя рѣчи.

Дождевая прохлада сырая
Ходитъ въ комнатѣ легкимъ дыханьемъ.
Золотые цвѣты, выростая,
На лазурномъ дрожатъ основаньи.

Засыпаю въ постели прохладной
Очарованъ ихъ дрожью растущей,
Молодой, беззаботный, съ отрадной
Пѣсней-думой о пѣснѣ грядущей.

ПЕРСТЕНЬ.

Съ индійской пышностью осыпанъ перстень мой
        Лучисто острыми камнями.
Такъ свѣтитъ и горитъ, сокрытый полутьмой,
        Старинный образъ въ царскомъ храмѣ.
Рубины мрачные цвѣтутъ, чернѣютъ въ немъ,
        Внутри пурпурно-кровяные,
Алмазы вспыхиваютъ розовымъ огнемъ,
        Слезясь, какъ перлы ледяные.
И часто я гляжу на этотъ отчій даръ
        Съ тоскою, смутной и тревожной,
И опускаю взоръ, переходя базаръ,
        Въ толпѣ крикливой и ничтожной.

МАКСИМИЛІАНЪ ВОЛОШИНЪ.

ОБЛИКИ.

Въ янтарномъ забытьи полуденныхъ минутъ
Съ тобою схожія проходятъ мимо жены,
Въ душѣ взволнованной торжественно поютъ
Фанфары Тьеполо и флейты Джорджіоне.

И пышный снится сонъ: и лавры, и акантъ
По мраморамъ террасъ, и водныя аркады,
И парковъ замкнутыхъ душистыя ограды
Изъ горькихъ буксусовъ и плющевыхъ гирляндъ.

Смѣняя тишину веселымъ звономъ пира,
Проходишь ты, смѣясь, межъ перьевъ и мечей,
Межъ скорбно-умныхъ лицъ и блещущихъ рѣчей
Шутовъ Веласкеса и дураковъ Шекспира...

Но я не вижу ихъ. Твой утомленный ликъ
Сіяетъ мнѣ одинъ на фонѣ Ренессанса,
На дымномъ золотѣ испанскихъ майоликъ,
На синей зелени персидскаго фаянса...

ЛЕОНИДЪ ГРОССМАНЪ.

ПЛЕЯДА.

Проходятъ мѣрной поступью поэты:
Вотъ Батюшковъ, пѣвецъ ахейскихъ женъ,
Василій Пушкинъ, книжникъ селадонъ,
И Кюхельбекеръ, выходецъ изъ Леты.

Языковъ мечетъ строфы, какъ ракеты,
Давыдовъ ихъ стремитъ, какъ эскадронъ,
Медлительно роняетъ ихъ баронъ
И Вяземскій ихъ точитъ, какъ стилеты.

Жуковскій, Веневитиновъ, Козловъ
Несутъ Волконской дань цвѣтущихъ словъ
И дышитъ Гнѣдичъ древнимъ диѳирамбомъ.

Ждетъ Боратынскій смертнаго костра,
И всѣхъ животворитъ гремучимъ ямбомъ
Ваятель Командора и Петра.

Н. ГУМИЛЕВЪ.

За то, что я теперь спокойный,
И умерла моя свобода,
О самой свѣтлой, о самой стройной
Со мной бесѣдуетъ природа
Вдали отъ зноя, помертвѣлой,
Себѣ и солнцу буйно рада
О самой стройной, о самой бѣлой
Звенитъ немолчная цикада.
Увижу ль пѣны побережной
Серебряное колыханье,
О самой бѣлой, о самой нѣжной
Поетъ мое воспоминанье.
Вотъ ставитъ ночь свои вѣтрила
И тихо по небу струится,
О самой нѣжной, о самой милой
Мнѣ пестрокрылый сонъ приснится.

СЕРГѢЙ ЕСЕНИНЪ.

Пойду въ скуфейкѣ, свѣтлый инокъ,
Степной тропой къ монастырямъ;
Сухой кошель изъ хворостинокъ
Повѣшу за плечи къ кудрямъ.

Хочу концы земли измѣрить,
По отуманенной росѣ,
И въ счастье ближняго повѣрить
На взбороненной полосѣ.

Иду. Въ травѣ звенитъ мой посохъ,
Въ лицо махаетъ шаль зари;
Сгребая сѣно на покосѣ,
Поютъ мнѣ пѣсни косари.

Глядя на кольца лычныхъ пряселъ,
Одной лишь думой мыслю я:
Счастливъ, кто жизнь свою украсилъ
Трудомъ земного бытія.

Съ улыбкой радостнаго счастья
Иду въ другіе берега,
Вкусивъ безплотнаго причастья,
Молясь на копны и стога.

СМЕРТЬ.

(Изъ цикла „Мой домъ")

Когда ты говоришь: „Я буду тлѣть въ могилѣ,
Земля жъ невѣстою цвѣсти въ весенней силѣ;
Не тронетъ мертвыхъ вѣждъ не имъ разсвѣтшій
свѣтъ,
И не примѣтитъ міръ, что въ немъ кого-то нѣтъ,
Какъ не заботится корабль въ державномъ бѣгѣ
О спящемъ путникѣ, оставленномъ на брегѣ",—
Знай: брачнаго твой духъ не выковалъ звена
Съ Душой вселенскою, въ чьемъ лонѣ времена.

Но я бъ не укорилъ въ безумьѣ иль надменьѣ
Восторга словъ иныхъ,—когда бъ въ недоумѣньѣ
Ты звѣзды вопрошалъ: „Ужель я стану прахъ,—
Вы жъ не померкнете? Вся жизнь во всѣхъ мірахъ
Съ моею не умретъ, осыпавъ сводъ мой склепный
Сметенныхъ вашихъ словъ листвою велелѣпной?"...
Ошибся бъ мало ты: зане твой склепный сводъ—
Родныя ложесна, чье имя—небосводъ.

ЧИСТИЛИЩЕ.

(Изъ цикла „Мой домъ“)

Стоятъ предъ очами сгорѣвшія лѣта.
Была моя жизнь благодатно согрѣта
Дыханіемъ близкимъ живого тепла,
Невидимымъ свѣтомъ изъ глуби свѣтла.

И счастливъ я былъ, иль щадимъ и лелѣемъ,
Какъ тотъ, кто помазанъ священнымъ елеемъ,
Но долженъ таиться и слыть пастухомъ,
Слагающимъ пѣсни въ ущельѣ глухомъ.

Лишь нынѣ я вижу, святая Пощада,
Что каждая лѣтъ миновавшихъ отрада
Въ устахъ была медъ, а на сердцѣ полынь
И въ кущу глядѣло безумье пустынь.

Я вижу съ порога высокихъ святилищъ,
Что велъ меня путь лабиринтомъ чистилищъ,
И знаю впервые, какимъ палачамъ
Въ безчувственномъ тѣлѣ былъ отданъ я самъ;

Какимъ причастился я огненнымъ пыткамъ,
Чья память смывалась волшебнымъ напиткомъ—,
Затѣмъ, чтобы въ тихомъ горѣніи дней
Богачъ становился бѣднѣй и бѣднѣй.

РЮРИКЪ ИВНЕВЪ.

Деревянная церковь въ полѣ
Снѣгомъ занесена.
Покорился я Божьей волѣ:
Нехорошее чувство прогналъ,
И гляжу на тебя сквозь пространство,
Сквозь поляны и облака.
Какъ плѣнительно это убранство,
Какъ отъ снѣга печаль легка.
О, какъ радостно это блужданье
По святымъ и безлюднымъ краямъ,
Здѣсь возможно одно воздыханье:
„Спаси, Господи, люди Твоя".

АНФИМЪ ИЖЕВЪ.

Всю ночь сквозь шторы намъ свѣтилъ востокъ,
Надъ озеромъ зеркальнымъ пламенѣя.
О, если бы, какъ въ старой сказкѣ—фея,
Окаменить мгновеніе я могъ!

Чтобъ нѣжная, нѣмая, какъ лилея,
Стояла ты, прервавъ событій токъ,
А я томился у любимыхъ ногъ,
Вѣка въ алканьи Тантала коснѣя,

Чтобъ не кончался этотъ сладкій адъ,
Чтобъ купиной горя неопалимой,
Осталась ты вовѣкъ недостижимой.

Блаженъ владыка царственныхъ палатъ,
Но иногда блаженнѣй во сто кратъ
Бѣднякъ, у сада жаждою палимый.

НАТАЛІЯ КРАНДІЕВСКАЯ.

Отчего волнуетъ слово—роза?
И о чемъ его напоминанье?
Повторяю долго слово—роза,
Слышу древнее его благоуханье,
Словно я тебя вдыхала, роза,
Прежде чѣмъ вдохнула воздухъ міра,—
Грубый воздухъ зноя и мороза,—
Словно цвѣлъ мой духъ тобою, роза,
На поляхъ блаженнаго эфира!

НА ПЛЯЖѢ.

Что мнѣ милѣй тебя, мой мальчикъ тоненькій,
Милѣе рукъ твоихъ въ смѣшныхъ царапинкахъ!
На пляжѣ радостномъ совсѣмъ ты голенькій,
Несешь мнѣ ракушку въ красивыхъ крапинкахъ.

Обоимъ намъ съ тобой находка нравится,
Обоимъ намъ съ тобой свѣтло и весело.
Барашки по морю бѣгутъ, курчавятся,
Надъ нами тѣнь свою кабинка свѣсила.

На грудь раскрытую ко мнѣ ты валишься
Тепломъ разнѣженный, свѣтло-усталенькій,
И засыпаешь вдругъ, и забываешь все,
Такой безпомощный, комочекъ маленькій!

*
* *

Подумала я о родномъ человѣкѣ,
Цѣлуя его утомленныя руки:
И ты вѣдь ихъ сложишь навѣки, навѣки,
И намъ не осилить послѣдней разлуки.

Какъ смертныхъ сближаетъ земная усталость,
Какъ всѣхъ насъ равняетъ одна неизбѣжность!
Мнѣ душу расширила новая жалость,
И новая близость, и новая нѣжность.

И дико мнѣ было припомнить, что гложетъ
Любовь нашу горечь, напрасныя муки;
О, будемъ любить, пока смерть не уложитъ
На сердцѣ ненужномъ ненужныя руки!

С. КРУПОВЕЦКАЯ.

ВЕСНОЙ.

Зеркало скользнуло изъ руки невѣрной,
И сверкающихъ осколковъ звонъ хрустальный
Ранилъ сердце... Я теперь такъ суевѣрна,—
Какъ всегда въ часы тревоги и печали...
Небо—все въ прозрачной бѣлой пѣнѣ...
Пахнетъ вешнею землей и влагой талой...
Все равно... Теперь мой незабвенный
Мнѣ не принесетъ букетика фіалокъ...
Смутное сомнѣнье подтвердили карты—
Увядаютъ чувства перваго побѣги..
Какъ тоскливо днемъ лучистымъ марта
Думать о холодномъ мертвомъ снѣгѣ...

Г. ЛАЗАРИСЪ.

ВЪ МАНСАРДѢ.

(*Сонетъ*).

Въ мансардѣ холодно. Погасъ огонь каминный,
Черна зола, а угля больше нѣтъ.
Хозяйской лампы чадный, слабый свѣтъ
Чуть освѣщаетъ ветхія гардины,

Обои грязные, жильцовъ ушедшихъ слѣдъ,
И узкую кровать. Передо мной старинный
Тяжелый томъ: сказанья прошлыхъ лѣтъ,
Угасшей жизни странныя картины.

Стучится дождь въ квадратное окно,
Внизу на улицѣ стихаетъ шумъ столицы,
Становится пустынно и темно.

Тѣнь на сырой стѣнѣ, какъ крылья черной птицы...
Я думаю о томъ, что умерло давно,
И медленно слѣжу истертыя страницы.

О. МАНДЕЛЬШТАМЪ.

Я такъ же бѣденъ, какъ природа,
И такъ же простъ, какъ небеса,
И призрачна моя свобода—
Какъ птицъ полночныхъ голоса.

Я вижу мѣсяцъ бездыханный
И небо мертвеннѣй холста;
Твой міръ болѣзненный и странный
Я принимаю, пустота!

*
* *

Образъ твой, мучительный и зыбкій,
Я не могъ въ туманѣ осязать.
„Господи", сказалъ я по ошибкѣ,
Самъ того не думая сказать.

Божье имя, какъ большая птица,
Вылетѣло изъ моей груди.
Впереди густой туманъ клубится,
И пустая клѣтка позади...

МАРІЯ МОРАВСКАЯ.

(Изъ дѣтскихъ стихотвореній).

Ахъ,
Обижаютъ меня постоянно!
Убѣгу въ африканскія страны,
Гдѣ пахучіе зрѣютъ бананы,
Гдѣ катаютъ дѣтей на слонахъ.
Доберусь я до мыса Нордкапа,
Превращусь непремѣнно въ арапа,
Заведу себѣ лукъ и верблюда,
И уже не пріѣду оттуда,
И домой никогда не вернусь!
Пусть!
Только какъ же я буду въ апрѣлѣ,
Безъ базара на вербной недѣлѣ?
Жалко также и новыхъ коньковъ.
Тамъ навѣрно не будетъ катковъ!
Жалко маму, котенка и братца,
Нѣтъ, ужъ лучше остаться!

*
* *

Для малюсенькаго Гришки
Всѣ мышата и мартышки
Одинаково милы:
„Милый моржикъ,
Хочешь коржикъ?
Хочешь ломтикъ пастилы?“
Всѣ Гришуткѣ очень рады,
Пискъ и лай со всѣхъ сторонъ,
Только грустенъ у ограды
Старый, сѣрый, толстый слонъ.
Но лишь хлѣбца ему дали
И спросили о печали,
Онъ Гришуткѣ далъ отвѣтъ:
„Не хочу, чтобъ рисовали
На резинкахъ мой портретъ“.

*
* *

Ахъ, осень безпріютная!
Катится рѣчка мутная,
Плюются облака.
Ахъ, тяжкая годинушка,
Ахъ, горькая судьбинушка,
Для дачнаго щенка!
Всѣ кустики измочены,
Всѣ дачи заколочены,
Куда я ни взгляну.
И вотъ сижу на мостикѣ,
Съ росинками на хвостикѣ,
И вою на луну
У—у—у!

БОРИСЪ САДОВСКІЙ.

Царица желтыхъ розъ и золотистыхъ пчелъ,
Въ лучахъ полуденныхъ расцвѣтшая подъ солн-
цемъ,
Струи медовыхъ косъ я самъ тебѣ заплелъ,
Украсивъ ихъ концы червонцемъ.

Вотъ подвели коня къ высокому крыльцу.
Вступаешь медленно ты въ стремя золотое.
Фата твоя блеститъ и льется по лицу,
Какъ желтое вино густое.

Поводья тронула горячая ладонь.
Ты мчишься. Далеко, подъ тканью золотистой,
Какъ будто розовый колышется огонь,
Какъ будто медъ струится чистый.

МИГЪ.

Страшнѣй всего послѣдній каждый мигъ.
Онъ жизнь ударомъ дѣлитъ на двѣ бездны.
Возникъ, упалъ, упалъ и вновь возникъ
И вновь вознесъ надъ міромъ мечъ желѣзный.

Вотъ и теперь повисъ онъ надо мной,
Грядущее овѣявъ темнымъ страхомъ.
Оно таится грозной тишиной,
Онъ тишину окликнулъ новымъ взмахомъ.

Опять возникъ, ударилъ и бѣжитъ
И новыя сѣчетъ и вяжетъ узы,
Упалъ во тьму, лишь слѣдъ его дрожитъ
На вѣчномъ зеркалѣ у вѣчной Музы.

ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ.

Какъ ярко возникаетъ день
Въ поляхъ оснѣженныхъ, бѣгущихъ мимо!
Какая зыбкая мелькаетъ тѣнь
Отъ бѣглыхъ, бѣлыхъ клочьевъ дыма!

Томившая въ ночномъ бреду
Забыла тягость утомленій,
И память вновь приводитъ череду
Давно не мной придуманныхъ сравненій.

И сколько-бъ на землѣ ни жить,
Но радостно надъ каждымъ утромъ
Все тѣмъ-же неизбѣжнымъ перламутромъ
И тою жъ бирюзою ворожить.

Людей встрѣчать такихъ же надо снова,
Какихъ когда то зналъ Сократъ,
А къ вечеру отъ счастія земного
Упасть въ тоскѣ у тѣхъ же вратъ,

И, такъ же заломивши руки
И грудью жадною вдыхая пыль,
Опять перековать въ ночныя муки
Земную сладостную быль.

*
* *

Творенiе выше Творца,
И мiръ совершеннѣе Бога,
Но все же мы любимъ Отца
И чтимъ его свято и строго.
Бываетъ безумною мать,
И часто творящiе слабы.
Но кто бы рѣшился возстать
На мать и въ безумствѣ хотя-бы?

ВЕЛИКО[illegible]СТНАЯ.

Ходитъ пол[illegible] [illegible]отѣ капели,
Ходитъ полночь въ серебрѣ метели.
Розовыя почки на осинѣ,
И на ней-же жемчуговый иней.
Сгинулъ котъ мой ласковый украдкой,
Но вернулась подъ окно касатка,
И пропали зимнія печали,
Вешнія же—въ сердце постучали.
Въ полдень мы съ сестрою въ церкви плачемъ,
Въ полночь мы лежимъ во снѣ горячемъ—
Лица ясныя и сжатыя колѣни,
Подъ глазами жъ—голубыя тѣни.

ПАВЕЛЪ СУХОТИНЪ.

ЗИМА.

На дворѣ и морозъ, и луна,
И широкая тѣнь отъ сарая.
Тихій духъ отошелъ отъ окна,
По пути голубому ступая.

Сѣла ты подремать въ уголку,
Нѣжный другъ мой, старушка святая!
Поздній часъ намъ считаетъ ку-ку,
Время-птица зоветъ, улетая.

Не горюй, что я долго не сплю,
Не пытай въ моемъ взорѣ тревогу,
Видишь ты, какъ я странно люблю
Эту темную жизнь и берлогу,

Запушенную снѣгомъ въ ночи,
Страхъ ночной и ночную докуку.
Обронилъ я и отдалъ ключи
Въ чью ту властную бѣлую руку.

Только сонъ одолѣетъ меня,—
Слышу гостьи желанной предтечу—
Колокольчикъ несется, звеня...
И кому то спѣшу я навстрѣчу.

Но напрасно ищу я слѣдовъ,
Пріумолкло за далью за синей,
И въ дыханьи безшумномъ деревъ,
Возникая, сплетается иней.

Злые псы, совершая дозоръ,
Хрусткой поступью бродятъ у дома,
Серебро заливаетъ весь дворъ,
И на всѣмъ голубая истома.

Нѣжный другъ, отойди на покой!
Въ узкой горенкѣ съ чистой дерюжкой
Совершишь ты дрожащей рукой
Тихій крестъ надъ цвѣтною подушкой,

И когда, припадая къ кресту,
Ты согнешься покорною тростью,
Помяни ты ея красоту,
Помяни мою свѣтлую гостью!

ПОЭЗА ОТТѢНКОВЪ.

Есть въ бѣлыхъ ночахъ лиловость,
Лиловость въ бѣлыхъ ночахъ.
Въ нѣжныхъ очахъ—суровость,
Суровость въ твоихъ очахъ...

Въ фіалкѣ бываетъ блѣдность,
Блѣдность въ лиловомъ цвѣткѣ.
Въ златоприческѣ—мѣдность,
Мѣдь въ золотомъ волоскѣ.

Есть что-то въ веснѣ старушье,
Какъ вешнее есть въ быломъ.
Въ душѣ у тебя—бездушье,
Душа—въ бездушьи твоемъ!

ПОЭЗА ЛѢСНОЙ ОПУШКИ.

Ты бродила на опушкѣ лѣса,—
Дѣвушка безъ крови и безъ вѣса, —
Въ синей съ бѣлымъ воротомъ матроскѣ,
Съ персиковымъ шарфомъ вкругъ прически.

Накорзинивъ рыжики и грузди,
Съ тихимъ смѣхомъ, въ чуть веселой грусти,
Кушала лиловую чернику.
Бралъ тебя туманъ въ свою тунику.

Такъ, отъ полдня вплоть до повечерья,
Ты со взоромъ, чуждымъ суевѣрья,
На опушкѣ лѣса проблуждала
И меня глазами колдовала...

ПИСЬМО ХОРОШЕЙ ДѢВУШКИ.

Милый, добрый! Пожалѣйте
Бѣдную свою пичужку:
Мельницу сломали нашу,
Нашу честную старушку.

Больно. Тяжко. Безтолково.
Все былое рушатъ, губятъ.
Люди ничего святого,
Дорогого намъ, не любятъ.

Знали бъ вы, какъ я тоскую!..
Потоскуемте же вмѣстѣ...
Можетъ быть, теперь пивную
Выстроятъ на этомъ мѣстѣ?!.

Пусть не смѣютъ,—я сломаю!
Отомщу за честь старушки!
Добрый, милый: вы поймите:
Няня!.. мельница!.. игрушки!..

АНАТОЛІЙ ФІОЛЕТОВЪ.

У тебя коронка блѣдная
Свѣтло-пепельныхъ волосъ.
Я любовь тебѣ принесъ,
Но любовь такая бѣдная...
Ты царевна стройно-стройная,
Аметисты въ блескѣ глазъ.
Любишь только темный газъ—
Въ свѣтлыхъ платьяхъ безпокойная.
Знаю я—улыбка пьяная,
Блѣдность строгая лица
Ждетъ любовника жреца,
А любовь земная, странная,
Безъ молитвы и молчанія
Для тебя смѣшна до слезъ.
Ты—въ сіяньи нѣжныхъ грезъ,
Въ сладкой грусти ожиданія...

ВЛАДИСЛАВЪ ХОДАСЕВИЧЪ.

УЕДИНЕНІЕ.

Завѣтные часы уединенья!
Вашъ каждый мигъ лелѣю, какъ зерно.
Во тьмѣ души да проростетъ оно
Таинственнымъ побѣгомъ вдохновенья.
Въ былые дни страданье и вино
Воспламеняли сердце. Ты одно
Живишь меня теперь— уединенье!

Съ мечтою—жизнь, съ молчаньемъ—пѣснопѣнье
Связало ты, какъ прочное звено.
Незыблемо съ тобой сопряжено
Судьбы моей грядущее рѣшенье...
И если мнѣ погибнуть суждено,
Про моряка, упавшаго на дно,
Ты пѣсенку мнѣ спой—уединенье!

*
* *

Со слабыхъ вѣкъ сгоняя смутный сонъ,
Живу весь день тровожимъ и волнуемъ —
И каждый вечеръ падаю, сраженъ
Усталости послѣднимъ поцѣлуемъ.

Но и во снѣ душѣ покоя нѣтъ:
Ей снится явь, тревожная, земная,
И собственный сквозь сонъ я слышу бредъ,
Дневную жизнь съ трудомъ припоминая.

МОНАХИНЯ.

Потупленъ долу взглядъ. Иконное лицо.
Вся съ ногъ до головы въ смиренномъ одѣяньи.
На мраморѣ руки не заблеститъ кольцо.
Уста сомкнутыя не разомкнетъ лобзанье.
Святая, строгая, нѣмая красота!
Распятая Любовь—вѣнокъ ея терновый
Въ нѣмую скорбь навѣкъ сомкнулъ уста,
Но сладость горечи—на днѣ души суровой.

АДА ЧУМАЧЕНКО.

Выше, выше неба пологъ
Надъ землей синѣетъ рдяной.
День еще и чистъ, и дологъ,—
Но уже въ листвѣ багряной
Въ догорающей аллеѣ
Солнце стало золотое
И прохладнѣй, и грустнѣе.
Осень дышетъ надъ землею,
Рукавомъ цвѣтнымъ свѣвая
Съ красныхъ кленовъ листьевъ стаи
И пестря дорожки сада...
Эта мощь—и ширь расцвѣта
И раскрывшіяся дали,
Грусть, исполненная свѣта,
Свѣтъ, исполненный печали.
Все прощаю, все прощаю...
Снамъ безкрылымъ—обѣщанья,
Радость блѣдную—свиданью,
Горечь—сбывшейся надеждѣ.
Все покорно принимаю,—
И опять смотрю, какъ прежде,
Въ даль, ушедшую безъ края,
Гдѣ въ синѣющей одеждѣ,
Какъ туманъ весенній, зыбкой,
Осень съ мудрою улыбкой
Пѣсню слушаетъ прощанья,
Жизнь и смерть благословляя.

МАРІЭТТА ШАГИНЯНЪ.

МОЛИТВА.

Ужъ ночь. Земля похолодѣла,
Съ горы торопятся стада;
И у Господняго предѣла
Моргнула первая звѣзда.

Тамъ, въ голубой исповѣдальнѣ,
Ночной монахъ зажегъ свѣчу...
За нашу встрѣчу, другъ мой дальній,
Слова молитвы я шепчу.

Блаженный вѣтеръ, пролетая,
Колышетъ кружево деревъ...
Душа, какъ чаша налитая,
Полна тобою до краевъ.

ЗАВѢТЪ.

Какъ лань къ ручью, года бѣгутъ впередъ,
Къ истоку дней, укрытому Всевышнимъ.
О, соблюди священный ихъ чередъ,
Да ни одинъ тебѣ не будетъ лишнимъ!

Учись у дня безпамятству живыхъ;
Умѣй забыть, что день—стрѣлы короче,
И, какъ и онъ, зайди на лонѣ ночи,
Не погасивъ огней сторожевыхъ...

Да понесетъ померкшій свѣтъ зрачковъ
Твоихъ—туда, къ престолу голубому,
Не вздохъ освобожденья отъ оковъ,
Но сладкое „прости“ земному дому.

ГЕОРГІЙ ШЕНГЕЛИ.

КРѢПОСТЬ ФАНАГОРІЯ.

Изъ мягкихъ рвовъ туманомъ возникая,
поднялся вечеръ млечно-голубой.
Прибой примолкъ. И въ ясной тишинѣ
отчетливъ выкликъ запоздалой чайки.
Округлымъ выступомъ старинный валъ
надвинулся на впалую долину,
некошенной отросшею травою
играя съ мимолетнымъ вѣтеркомъ.
Я разстилаю парусинный плащъ,
и такъ отрадно повалиться навзничь,
руками распростертыми касаясь
слегка овлажненной травы.

Суворовская спитъ Фанагорія,—
ключъ къ отдаленнымъ вольнымъ океанамъ...
Послѣднія оржавѣвшія пушки
валяются въ сосѣднемъ городкѣ...
Безмолвіе, забвеніе, покой...
И только я въ сей мигъ припоминаю
давно перегорѣвшія стремленья,
и тихо предо мною возникаетъ
пѣвецъ заброшенной Тамани.

И облака, что убѣжали къ югу,
на мигъ слагаются въ печальный профиль,
и млѣетъ нѣжнымъ отдаленнымъ звономъ
Коротенькое имя—Бэла...

З. ШИШОВА.

Какая странная сегодня, Боже,
Твоя земля.
И за окномъ акаціи похожи
На тополя.

Когда изъ муфты руку вынимаю,
Она суха,
И пахнутъ тонко и легко какъ въ маѣ
Мои мѣха.

А по ночамъ волнующіе снятся
И давятъ сны...
— Такъ какъ же мнѣ, о Боже, не бояться
Твоей весны?

ОГЛАВЛЕНІЕ.

РУССКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ВЪ КРЫМУ.

БИБЛІОТЕКА

„ЛИТЕРАТУРА и КУЛЬТУРА".

Вышли изъ печати:

К. Треневъ. Мокрая балка.

А. Франсъ. Сорочка.

В. Вересаевъ. Объ одномъ домѣ и др.

А. Дерманъ. Косы.

Готовятся къ печати:

Джеромъ К. Джеромъ. Замѣтки къ роману.

Н. Никандровъ. Во всемъ дворѣ первая.

Г. де Мопассанъ. На водѣ.

К. Треневъ. Самсонъ Глечекъ.

Г. Гребенщиковъ. Сибирскіе разсказы.

Печатать военной цензурой дозволено.

Симферополь. Типографія Е. К. Брешко-Брешковской.